

Евгений Родин

руководитель практики по проектам в энергетике юридической фирмы VEGAS LEX

Профилактика платежной дисциплины на розничных рынках электроэнергии: полное ограничение энергоснабжения

Универсальных методов, позволяющих полностью решить проблему с дебиторской задолженностью, не существует. Какие бы методы ни применял поставщик электроэнергии, их результатом может быть лишь повышение платежной дисциплины потребителей.

Если дело доходит до ограничения энергоснабжения или отказа от договора, то эти методы имеют лишь косвенное отношение к профилактике платежной дисциплины, поскольку они направлены не на повышение мотивации потребителей надлежащим образом исполнять свои обязательства, а на прекращение обязательств поставщика.

Эффективность превентивных мер воздействия определяется тем, какую позицию занимает поставщик электроэнергии в очередности платежей отдельного должника. Соответственно чем выше окажется позиция поставщика, тем эффективнее сработали превентивные меры.

Эффективность методов, сдерживающих рост дебиторской задолженности, определяется тем, насколько быстро их удалось применить, и размером долга потребителя.

Итак, как уже было отмечено выше, остановить рост дебиторской задолженности можно путем прекращения поставки товара, однако в случае с энергоснабжением этот метод далеко не всегда возможен. Во-первых, для введения полного или частичного ограничения энергоснабжения необходимо соблюсти достаточно сложную и длительную процедуру. Во-вторых, в отношении ряда потребителей полное ограничение энергоснабжения запрещено законом.

В отношении потребителей, полное ограничение энергопотребления которых допустимо с точки зрения закона, в первую очередь важно соблюсти процедуру максимально эффективно и быстро, чтобы обязательства по поставке электроэнергии прекратились до того, как задолженность вырастет до существенных объемов. Тут важно помнить, что

с юридической точки зрения в случае введения полного ограничения энергоснабжения обязательства поставщика не прекращаются, а приостанавливаются до момента погашения задолженности.

В отношении потребителей, ограничение энергоснабжения которых не допускается ниже уровня аварийной брони, ситуация выглядит иным образом. Приостановить обязательства по поставке электроэнергии в данном случае нельзя, можно лишь сократить объем поставки. Однако поставщик может отказаться от договора, что приведет к прекращению его юридических обязательств, поскольку прекратит существование источник их возникновения — договор. Как бы парадоксально это ни звучало, но отказ от договора не означает полного прекращения энергоснабжения.

Гарантирующий поставщик электроэнергии на розничных рынках выполняет посредническую функцию между генерирующими компаниями и потребителями электро-

энергии. Основная задача гарантирующего поставщика заключается в «сведении баланса» между произведенной и реализованной электроэнергией. Реализация электроэнергии осуществляется путем заключения и исполнения соответствующих договоров. Если электроэнергия потребляется в отсутствие заключенного договора, такое энергопотребление именуется бездоговорным¹. Объемы электроэнергии, потребленные в бездоговорном порядке, не включаются и не могут включаться в объемы реализации гарантирующего поставщика, поскольку для этого нет правовых оснований. Такая электроэнергия включается в объем потерь, который компенсируется электросетевой компанией, которая, в свою очередь, приобретает право требовать возмещения стоимости электроэнергии, потребленной в бездоговорном порядке, с потребителя².

Таким образом, при реализации такого способа самозащиты права, как отказ от договора, обязательного введения ограничения режима потребления от гарантирующего поставщика не требуется. В этом случае между сторонами рушатся юридические основания поставки и потребления электроэнергии. Физическое ограничение не является целью реализации данного механизма. Целью в данном случае является именно прекращение действия договора, поскольку поставщик утрачивает в нем интерес.

Процедура введения ограничения энергоснабжения подробно описана в Правилах полного и (или) частичного ограничения режима потре-

бления электрической энергии³, поэтому в настоящей статье внимание будет уделено описанию лишь отдельных этапов этой процедуры, которые вызывают наибольшее количество вопросов на практике.

Итак, если у потребителя имеется акт согласования аварийной и (или) технологической брони, то процедура введения полного ограничения энергоснабжения требует исполнения нескольких этапов: уведомления о предстоящем отключении, частичного ограничения до уровня технологической брони, частичного ограничения до уровня аварийной брони и, наконец, полного ограничения⁴.

Каждая из вышеперечисленных стадий осуществляется в определенные сроки. Так, уведомление о предстоящем ограничении направляется потребителю не ранее чем за 10 дней до предполагаемой даты введения ограничения. Период ограничения энергоснабжения до уровня технологической брони очерчен пятью днями, после чего вводится ограничение до уровня аварийной брони. По истечении пяти дней после ввода режима ограничения до уровня аварийной брони может быть введено полное ограничение энергоснабжения.

Вышеперечисленные сроки урегулированы законодательно, однако в акте согласования аварийной и (или) технологической брони могут быть указаны иные сроки. При этом преобладающую роль будут играть сроки, указанные в акте, а не в законе. Поэтому если в акте указаны неразумные сроки (например, срок технологической брони⁵ по акту составляет месяц), то процедура вве-

дения ограничения будет существенно затруднена.

На практике такие случаи встречаются крайне редко, и связаны они в первую очередь с недобросовестным поведением сетевой компании, к которой присоединен потребитель. Дело в том, что именно сетевая компания согласовывает уровень и срок технологической брони⁶, соответственно акт, составленный ненадлежащим образом, в первую очередь свидетельствует о том, что сетевая компания недобросовестно выполнила свои обязательства по согласованию акта.

Постфактум бороться с этим крайне сложно. Перечень оснований для внесения изменений в акт аварийной и (или) технологической брони носит закрытый характер⁷ и не предусматривает такого основания, как указание недостоверных сведений, что является явным недосмотром со стороны законодателя. Кроме того, с учетом того, что акт является частью договора, изменения в него (если договор уже заключен) можно вносить только по правилам ст. 450 ГК РФ.

Таким образом, чтобы избежать недоразумений при исполнении договора, следует уделять повышенное внимание содержанию актов аварийной и (или) технологической брони при заключении договора. При необходимости можно урегулировать возникшие разногласия в судебном порядке⁸.

В случае если договор все же был заключен с неадекватными условиями о сроке технологической брони, то наиболее эффективным с точки

¹ Пункт 2 Основных положений функционирования розничных рынков электрической энергии, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 04.05.12 № 442.

² Пункт 84 Основных положений функционирования розничных рынков электрической энергии», утвержденных Постановлением Правительства РФ от 04.05.12 № 442.

³ Утверждены Постановлением Правительства РФ от 04.05.12 № 442.

⁴ Более подробно см. п. 17 Правил полного и (или) частичного ограничения режима потребления электрической энергии, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 04.05.12 № 442.

⁵ Продолжительность времени для завершения технологического процесса, цикла производства потребителя, использующего в производственном цикле непрерывные технологические процессы, внезапное прекращение которых вызывает необратимое нарушение технологического процесса и (или) опасность для жизни людей, окружающей среды.

⁶ См. п. 31(4) Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 27.12.04 № 861.

⁷ См. п. 31(2) Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 27.12.04 № 861.

⁸ См., например, дело № А53-413/2010.

зрения недопущения роста дебиторской задолженности будет отказ от договора после введения ограничения энергоснабжения до уровня технологической брони.

Вышеописанные пути решения применимы и к случаям, когда уровень аварийной и (или) технологической брони, указанный в акте, не соответствует действительной схеме энергоснабжения потребителя, что на практике встречается гораздо чаще. К примеру, уровень аварийной и (или) технологической брони, указанный в акте, может совпадать с уровнем нормального потребления, что сведет на нет всю целесообразность процедуры введения ограничения. С такими случаями также эффективнее всего бороться превентивно, а не постфактум.

Стоит упомянуть об одном нюансе, который может сыграть злую шутку с потребителем, который намеренно завысил уровень аварийной и (или) технологической брони. Если поставщик откажется от договора с таким потребителем, то последний будет потреблять электроэнергию в бездоговорном порядке. Как уже отмечалось выше, в этом случае стоимость электроэнергии, потребленной в отсутствие договора, будет взыскиваться соответствующей сетевой компанией. Объем электроэнергии, потребленной в бездоговорном порядке, определяется не приборно, а расчетным способом, исходя из сечения кабеля⁹. Таким образом, для потребителя крайне невыгодно провоцировать гарантирующего поставщика на отказ от договора, поскольку счет за бездоговорное потребление может в несколько раз превышать счета, которые выставляет гарантирующий поставщик.

Наиболее распространенными в практике являются случаи, когда недобросовестного потребителя (даже если все необходимые документы

оформлены надлежащим образом) нельзя отключить в силу технологических причин. К примеру, если через энергопередающие устройства недобросовестного потребителя транзитом снабжаются иные потребители, то отключение недобросовестного потребителя может привести к незаконному ограничению энерго-

Наиболее распространенными в практике являются случаи, когда недобросовестного потребителя (даже если все необходимые документы оформлены надлежащим образом) нельзя отключить в силу технологических причин.

снабжения потребителей, у которых нет задолженности за электроэнергию. В таких случаях закон запрещает вводить ограничение энергоснабжения до реализации соответствующих организационно-технических мер, позволяющих ввести ограниченные режимы потребления в отношении одного потребителя при обеспечении поставки электрической энергии другим потребителям¹⁰. Указанные организационно-технические меры по замыслу законодателя должны разработать исполнители ограничения¹¹. Вместе с тем в законе не указано, о каких конкретно организационно-технических мерах идет речь и в течение какого времени они должны быть разработаны и реализованы.

Здравый смысл подсказывает, что речь идет об изменении схемы подключения таким образом, чтобы технологически было возможно отсоединить энергопринимающие устройства недобросовестного потребителя, не создавая при этом риск отключения иных потребителей. Примечательно, что в законе отдельно указано, что все расходы,

связанные с отключением недобросовестного потребителя (в случае если потребитель добровольно не прекращает энергопотребление), обязан возместить такой недобросовестный потребитель.

Возникает справедливый вопрос: каким образом сетевая компания должна проводить вышеуказанные

организационно-технические мероприятия? Вторгаться во внутреннее хозяйство потребителя и принудительно изменять схему электроснабжения? Однако законом не предусмотрена процедура, которая позволяла бы это.

С другой стороны, сетевая компания может организовать подключение транзитных потребителей в обход электросетевого хозяйства недобросовестного потребителя. Однако опять же закон не предусматривает какой-либо особой процедуры для этого. К тому же затраты на осуществление подобного «переподключения» могут быть астрономическими, и даже тот факт, что эти затраты подлежат компенсации со стороны недобросовестного потребителя, вряд ли вызовет энтузиазм у сетевой компании. Очевидно, что если задолженность потребителя за электроэнергию дошла до такой степени, что необходимо вводить принудительное ограничение, добиться от такого потребителя компенсации затрат сетевой организации на введение ограничения будет крайне затруднительно.

⁹ Пункт 196 Основных положений функционирования розничных рынков электрической энергии, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 04.05.12 № 442.

¹⁰ См. последний абзац п. 8 Правил введения полного и (или) частичного ограничения режима потребления электрической энергии, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 04.05.12 № 442.

¹¹ Как правило, это электросетевая компания, к которой присоединен потребитель, подлежащий отключению.

К сожалению, правоприменительная практика пошла по слишком простому пути: если ограничение одного потребителя повлечет отключение каких-либо иных потребителей, то такое ограничение незаконно¹². В какой-то степени это правильно — права третьих лиц не должны нарушаться ни при каких обстоятельствах.

Однако следует отличать физическое ограничение и юридическое ограничение энергоснабжения. Если в первом случае речь идет о прекращении самой возможности потреблять электроэнергию, то во втором случае — об утрате права на получение электроэнергии. Сам факт присоединения энергопринимающих устройств к электрическим сетям не дает права на получение электроэнергии — это право вытекает из гражданско-правового договора.

Законодатель, защищая права и интересы «транзитных» потребителей, запрещает вводить именно физическое ограничение электроснабжения, но это не означает, что недобросовестный потребитель не может быть лишен права на получение электроэнергии с правовой точки зрения.

Законом установлено¹³, что если введение ограничения режима потребления в отношении лица, владеющего объектами электросетевого хозяйства, к которым присоединены энергопринимающие устройства потребителей, не имеющих задолженности по оплате электрической энергии, может привести к ограничению или прекращению подачи электрической энергии таким потребителям, то такое лицо обязано обеспечить поставку электрической энергии таким потребителям без ограничения режима их потребления,

в том числе обеспечить подачу электрической энергии таким потребителям в объеме их потребления по соглашению с гарантирующим поставщиком.

Указанное означает, что потребитель, в отношении которого введен режим ограничения, обязан организовать переток электроэнергии «транзитным» потребителям, но это не означает, что такой потребитель может сам продолжать потреблять электроэнергию. По сути, тут речь идет о частичном ограничении, которое потребитель обязан осуществить самостоятельно¹⁴.

Закон не содержит каких-либо санкций за невыполнение потребителем требования поставщика о самостоятельном ограничении энергопотребления. Министерством энергетики РФ разработан проект изменений в КоАП РФ, предусматривающий установление административной ответственности за невыполнение потребителем требования о самостоятельном введении ограничения энергопотребления¹⁵. Принятие данного законопроекта, безусловно, изменит положение вещей на розничных рынках электроэнергии в лучшую сторону, однако пока он не принят, поставщики должны довольствоваться существующей нормативно-правовой базой.

Вместе с тем потребление электроэнергии в условиях введенного со стороны поставщика ограничения внешне содержит признаки уголовного правонарушения, предусмотренного ст. 158 УК РФ, а именно кражи. Однако вопрос о возможности применения уголовной ответственности за незаконное потребление электроэнергии остается крайне дискуссионным. Дело в том, что электроэнергия не является объ-

ектом материального мира, т.е. вещью. В этой связи возникает вопрос, можно ли незаконно завладеть электроэнергией?

Правоведы до сих пор спорят о том, какое место в системе объектов гражданского права занимает электрическая энергия. Справедливости ради следует отметить, что современное законодательство, опосредующее оборот электроэнергии называет электроэнергию товаром, тем самым законодатель искусственно придает электроэнергии свойства вещи¹⁶. Однако законодатель называет товаром только электроэнергию, обращающуюся на оптовом рынке. В отношении розничных рынков термин «товар» к электроэнергии не применяется, соответственно вопрос о том, является ли электроэнергия вещью, остается открытым.

Большинство правоведов склоняется к мнению, что электрическая энергия не может быть предметом хищения, поскольку не обладает свойством материальности, вещественности. Объект — это прежде всего то, что охраняется правом, предмет, на который направлено правонарушение.

В частности такую позицию о невозможности признания хищения электроэнергии уголовным правонарушением высказывает Е.А. Мазуренко, указывая на то, что физический признак предмета преступления характерен только для хищений чужого имущества, поэтому не может быть похищена в уголовно-правовом смысле электрическая или тепловая энергия, не обладающая свойством материальности, вещественности¹⁷. Однако есть и противоположная точка зрения. Например, Е.А. Суханов утверждает, что в соответствии с «товарной концеп-

¹² См. дело № А36-2948/2012.

¹³ См. п. 8 Правил полного и (или) частичного ограничения режима потребления электрической энергии, утвержденные Постановлением Правительства РФ от 04.05.12 № 442.

¹⁴ См. п. 9 Правил полного и (или) частичного ограничения режима потребления электрической энергии, утвержденные Постановлением Правительства РФ от 04.05.12 № 442.

¹⁵ http://minenergo.gov.ru/documents/razrabotka/18035.html?sphrase_id=728994.

¹⁶ См. определение оптового рынка в ст. 3 ФЗ «Об электроэнергетике» от 26.03.03 № 35-ФЗ.

¹⁷ Мазуренко Е.А. Объект и предмет уголовно-правовой охраны преступлений против собственности: современные проблемы квалификации: Автореф. дис... канд. юрид. наук. — М., 2003.

цией» объектом права собственности способно быть все то, что может отчуждаться как товар, быть предметом рыночных отношений независимых товарладельцев.

Объектом права собственности может быть не просто товар, а имущество, имеющее экономическую ценность, продукт труда, имеющий форму товара, т.е. присвоенный кем-то, отвоенный у природы в результате процесса производства¹⁸. По мнению Е.А. Суханова, «на производство и передачу энергии и газа, а также других ресурсов затрачивается труд, они имеют стоимость, являются продукцией специальных отраслей промышленности, имеют количественную и качественную оценку, как и все другие вещи»¹⁹. Поэтому «к числу вещей в гражданском праве относятся также различные виды энергетических ресурсов и сырья, произведенных или добытых человеческим трудом и потому ставших товаром»²⁰.

Характерно, что российское уголовное законодательство ранее рассматривало кражу электроэнергии как состав уголовного правонарушения. Так, Сенат в решении от 7 мая 1902 г. указал, что «электричество... обладает всеми признаками имущества в смысле закона», а электроэнергию предлагал рассматривать в качестве движимого имущества. В связи с этим была признана возможность хищения электроэнергии, а также присвоения права на электроэнергию²¹.

Данная тенденция воплотилась в нормах Уголовного кодекса РСФСР 1926 г., согласно ст. 163 которого предусматривалась ответственность за «кражу электрической энергии». В УК РСФСР 1960 г. подобный состав преступления уже отсутствовал.

В период с 1986 по 1994 г. в России такая ответственность была восстановлена, но не за хищение (кражу) энергии, а «за самовольное ис-

пользование в корыстных целях электрической либо тепловой энергии или газа» (ст. 94.2 УК РСФСР 1960 г.). Современный уголовный кодекс прямо не предусматривает возможности привлечения к уголовной ответственности за хищение электроэнергии. Как уже отмечалось выше, для признания хищения электроэнергии

вора с энергоснабжающей организацией.

Однако субъектом рассматриваемого преступления может выступать только физическое лицо, вменяемое и достигшее 16-летнего возраста. Вопрос о возможности применения ст. 165 УК РФ к должностному лицу остается спорным. Вместе с тем нео-

Электроэнергия не является объектом материального мира, т.е. вещью. В этой связи возникает вопрос, можно ли незаконно завладеть электроэнергией?

составом уголовного преступления, по российскому законодательству, необходимо определить, является ли электроэнергия вещью, что вызывает определенные сложности в связи с тем, что электроэнергия не обладает свойством материальности, вещиственности.

Но предмет посягательства на собственность может и не обладать указанным признаком, в таком случае незаконное использование электрической или тепловой энергии при наличии определенных условий образует состав преступления, предусмотренный ст. 165 УК РФ «Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием».

Объективная сторона незаконного использования электрической энергии выражается в активных действиях, посредством которых лицо самовольно, без оформления соответствующих документов и получения разрешения от энергоснабжающей организации подключается к электросети энергоснабжающей организации и использует электричество, не производя эквивалентной оплаты либо посредством уклонения от оплаты за использованную электроэнергию при наличии дого-

ределенность в применении данной нормы права может являться довольно весомым мотивирующим фактором, поскольку если доподлинно нельзя спрогнозировать, будет возбуждено уголовное дело или нет, руководитель предприятия, по крайней мере, задумается о том, стоит ли злоупотреблять ситуацией.

Таким образом, наиболее действенным методом воздействия на недобросовестных потребителей, которые отказываются добровольно ограничивать энергопотребление, остается либо физическое ограничение, если это возможно, либо судебное понуждение.

Аналогичная картина наблюдается и в том случае, когда потребителя, в отношении которого введено частичное ограничение энергоснабжения (например, до уровня аварийной брони), технически невозможно ограничить до нужного уровня.

В заключение хотелось бы отметить, что отраслевое законодательство, в том числе и регулирующее порядок ограничения энергоснабжения, постоянно развивается. Последние тенденции показывают, что это развитие направлено не только на защиту прав потребителей, но и на достижение баланса интересов с поставщиками.

¹⁸ Суханов Е.А. Лекции о праве собственности. — М., 1991.

¹⁹ Гражданское право / Под ред. Е.А. Суханова. — Т. 2. — М., 1994.

²⁰ Гражданское право / Под ред. Е.А. Суханова. — Т. 1. — М., 1998.; Тархов В.А., Рыбаков В.А. Собственность и право собственности. — М., 2002.

²¹ Грищенко А.И., Зиноватный П.С. Энергетическое право России (правовое регулирование электроэнергетики в 1885—1918 гг.). — М.: Юрист, 2008.